

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Авторские стратегии в романах М.А. Осоргина 1920 – 1930-х годов:
«Сивцев Вражек», «Свидетель истории», «Книга о концах»**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 2 курса 251 группы

направления

45.04.01 «Филология»

код и наименование направления

Института филологии и журналистики

наименование факультета, института, колледжа

Шараповой Софьи Александровны

фамилия, имя, отчество

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., профессор

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

А.И. Ванюков

инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

зав. кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2022

Введение

М.А. Осоргин в большей степени известен для русского читателя как представитель старшего поколения первой волны эмиграции. Наиболее популярными для массового читателя его произведениями остаются роман «Сивцев Вражек» (1928) и сборники рассказов. Исследователями редко акцентируется тот факт, что Осоргин начал свою литературную деятельность задолго до эмиграции из страны на «философском пароходе»¹ осенью 1922 года.

Успехом в литературной деятельности М.А. Осоргина становится выход романа «Сивцев Вражек» (1928), по главам публикуемый с 1926 года в журнале «Современные записки»². После выхода «Сивцева Вражка» работы Осоргина получают много положительных отзывов от литературного сообщества эмиграции, но роман не попадает к читателю, который находится на территории СССР. В течение следующих лет у М.А. Осоргина печатаются «Повесть о сестре» (1931), сборник «Чудо на озере» (1931), романы «Свидетель истории» (1932), «Книга о концах» (1935), «Вольный каменщик» (1937), цикл очерков «Происшествия зеленого мира» (1938).

Писатель, являвшийся активным участником исторических событий, происходивших в России в начале XX века, много работал над осмыслением тех действий, которые полностью изменили политическую ситуацию в мире. Прошлое эсера, а позже – обвиняемого в преступлениях против государства, дало М.А. Осоргину уникальный критический опыт, и он, как свидетель происходивших ключевых моментов в жизни страны, привносит особый взгляд на интерпретацию исторических событий в свое литературное творчество. В романах «Сивцев Вражек», «Свидетель истории», «Книга о концах» автор рассматривает переломные события российской истории в период с 1905 по 1918 годы.

¹ Репников А.В. Философский пароход // Большая российская энциклопедия. Том 33. Москва, 2017. С. 377.

² Осоргин М.А. Сивцев Вражек (главы романа) / М.А. Осоргин // Современные записки. 1926. Т. 27. С. 167 – 207.

Актуальность темы обусловлена тем, что концепция авторского повествования, авторские стратегии и формы их репрезентации в романной прозе М.А. Осоргина все еще остаются недостаточно изученными в современном литературоведении.

Материалом исследования являются романы М. А. Осоргина «Сивцев Вражек» (1928), «Свидетель истории» (1932), «Книга о концах» (1935).

Цель выпускной квалификационной работы – выявить авторские стратегии, к которым прибегает М.А. Осоргин при создании романной структуры своих произведений; раскрыть позицию писателя по отношению к историческим событиям, обратившись к анализу форм авторского повествования в посвященных им фрагментах текста.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Проанализировать роман «Сивцев Вражек», раскрыть наиболее частотные повествовательные приемы и характер позиции концепированного автора.

2. Исследовать характер авторского повествования в романной диалогии «Свидетель истории» и «Книга о концах», проследить изменение как философской, так и исторической концепции авторского восприятия мира.

3. Рассмотреть особенности повествовательных стратегий, которые иначе реализуются в трех романах М.А. Осоргина, посвященных переломным историческим событиям России.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав – «Роман М.А. Осоргина «Сивцев Вражек», включающая 5 разделов, «Роман М.А. Осоргина «Свидетель истории», включающая три раздела, «Роман М.А. Осоргина «Книга о концах», включающая два раздела, заключения, а также списка использованных источников.

Основное содержание работы

В первом разделе первой главы **«Проблема автора и авторских стратегий»** представлены результаты рассмотрения нами широкого круга вопросов, поставленных ведущими отечественными учеными (М.М. Бахтиным, Б.О. Корманом, Н.Д. Тамарченко, В. В. Прозоровым, Б.А. Успенским) при изучении данной литературоведческой категории.

Мы обращаемся к работе М. М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности», в которой проблема автора осмысливается в общеэстетическом аспекте, выявляется характер присутствия автора-творца в тексте произведения. Ученый высказывает важную для нас мысль о принципиальной разнице между автором и героем: автор является носителем эстетического сознания, «восполняющего» и «завершающего» героя и его самосознание. При этом автор «вненаходим», т.е. дистанцирован от своего объекта творчества, поскольку лишь так может воплотить его индивидуальный образ.

Б.О. Кормана в работе «О целостности литературного произведения» рассматривает проблемы, связанные с субъектной организацией и сюжетом, а также обращает внимание на вопросы, касающиеся взаимодействия автора и читателя. Кроме того, в данной работе исследователем вводится понятие «концепированный автор», которое будет играть важную роль в нашем анализе романа «Сивцев Вражек».

Особое внимание уделяется нами в этом разделе работе Б. А. Успенского «Поэтика композиции», в которой ученый предлагает подход, связанный с определением точек зрения повествователя в тексте. Исследователь выделяет несколько типов повествования. Для нас особую ценность представляют: последовательный обзор, который характеризуется тем, что повествователь следует от одного персонажа к другому, смотрит на каждого из них отдельно, описывая происходящее, а читатель сам должен «смонтировать» единую картинку; общая или всеохватывающая точка зрения, точка зрения «птичьего полета», при которой повествователь будто бы поднимается вверх, все случившееся описывается с единой позиции, охватывающей все пространство

изображаемого мира.

Н.Д. Тамарченко в своей работе «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» рассматривает такое понятие, как «авторская позиция» и отмечает характерные черты проявления авторского присутствия в тексте. Автор-творец в своей деятельности сам наделяет рассказчика определенной точкой зрения и функциями, которые зависят от той роли, которую он будет играть в тексте произведения. По мнению ученого, авторскую позицию, реализовываемую в тексте, можно увидеть через систему организованных автором-творцом ценностей и структуру формирования художественного текста.

В.В. Прозоров в статье «Об авторских стратегиях в литературе» рассматривает, как авторские стратегии проявляются в литературных произведениях, как происходит взаимодействие между читателем и автором. Наиболее важным для нашего исследования является определение термина «авторская стратегия», которое предлагает ученый. Авторская стратегия предполагает взаимодействие между автором и читателем, так как при создании стратегии потенциальный абстрактный читатель предполагается адресатом творчества автора.

Предложенные в данных исследованиях подходы определяют методологию и методику анализа романов М.А. Осоргина.

Во втором разделе первой главы **«Авторская позиция в главах, посвященных Первой мировой войне»** рассматривается авторская репрезентация событий, произошедших в период времени с 1914 по 1918 годы.

В главах о Первой мировой войне воплощается полемическая позиция повествователя, адресованная будущим историкам, которые найдут объяснение ее причин, определят виновных, посчитают потери.

В повествование активно вводится авторская оценка произошедшего. Лирико-публицистический и философский характер высказываний автора-повествователя, их интенсивность, обогащают художественный текст риторическими приемами, тем самым, писатель раздвигает границы романного

жанра.

В третьем разделе первой главы **«Лирико-публицистическая форма повествования в главах о послереволюционной эпохе»** рассматриваются главы, в которых отражены события революции и послереволюционной эпохи в России.

Автор-повествователь не утрачивает своей основополагающей роли в тексте: лирико-публицистические вторжения, позволяющие включить исторические события в контекст вечно обновляющейся природной жизни и выразить концепцию переломного времени, продолжают играть важную роль в романе, но наряду с ними возрастает значение в репрезентации эпохи конкретно-исторических деталей жизни Москвы и страны в целом и сюжетного повествования об отдельных персонажах.

Для лирико-публицистических глав о послереволюционной эпохе свойственна сосредоточенность на событиях, происходящих в России – преимущественно в Москве и в провинциальной глубинке. Московский топос представлен с максимальной детализацией – перечнем конкретно-исторических мест столицы, вниманием к разным социальным типам персонажей и их судьбам. Автор внеходим в обзорных главах. Для создания панорамы событий используется последовательный обзор. Это помогает отобразить реалии исторической обстановки революционного города, которая становится обыденностью для героев.

В четвертом разделе первой главы **««Летописная» манера повествования»** проводится анализ глав, в которых повествователь проявляет себя в качестве «летописца».

Данные главы посвящены воссозданию исторических событий, дат и фактов послереволюционной эпохи. В этих главах отсутствует конкретный герой, который транслирует авторскую позицию, эту роль исполняет повествователь. Специфический летописный синтаксис и летописная интонация неоднократно вводятся им в текст. Повествователь не привязан к конкретной точке

пространства, он находится на позиции молчаливого «свидетеля истории».

В пятом разделе первой главы **«Сопряжение точек зрения героя и автора в повествовании»** рассматриваются главы, в которых доминирует повествование об индивидуальной судьбе героя, оказавшегося в центре исторических событий.

Позиция повествователя зачастую максимально сближена с психологической, идеологической, фразеологической позицией героя. Автор-повествователь перестает быть ретроспективным, до самого конца читатель остается в неведении о судьбе героя, как и сам повествователь. Не всегда можно определить пространственную и временную точки зрения, из которых ведется повествование: герой перемещается «за кадром», мы узнаем о его местонахождении нередко только после того, как события произошли.

В первом разделе второй главы **«Прием последовательного обзора в повествовании о революционных событиях 1905 - 1907 годов»** проводится исследование особого подхода автора к созданию повествования о деятельности заговорщиков, участвовавших в революции.

Повествователь отказывается от излюбленных ранее подходов, к которым обращался до этого – масштабные сцены сражений минимизированы, для повествования выбирается последовательный обзор, а не точка зрения «птичьего полета», открывающая доступ к большей площади обозрения. Повествователь воздерживается от кардинальных перемещений в пространстве и чаще остается рядом с позицией героя при наблюдении за происходящим вокруг, ограничивает свои возможности. Концептированный автор не теряет своего абсолютного знания, но минимально проявляет его в тексте. Это позволяет реализовать авторскую позицию относительно роли человека в происходивших событиях и его влиянии на ход истории. Как и ранее, автору важен человек внутри разворачивающихся баталий, но если до этого он задавался вопросами о том, почему обстоятельства сложились определенным образом, то теперь у него нет подобного вопроса. Он находится на позиции ретроспективного взгляда на случившееся, но не проявляет своего всезнания, не пытается влиять на поступки героев или предостеречь их.

Второй раздел второй главы **««Летописное» повествование и образ «свидетеля истории»»** посвящен рассмотрению образа персонажа, которого автор наделяет некоторыми чертами повествователя.

Концептированный автор отходит от очевидного ретроспективного взгляда на события, словно позволяет истории развиваться самостоятельно, больше не предупреждает героев о грядущем, лишь наблюдает со стороны. Таким образом автору удастся создать собственную «летопись» переломных моментов в истории России, в которой органично сочетается и скрупулезное перечисление дат, мест, личностей и фактов, но также виден естественный ход исторических событий, и, что особенно важно для М. Осоргина – жизнь обычного человека, оказавшего замешанным в происходящем. Отец Яков Кампинский – не случайный свидетель, не участник событий, он самостоятельно вовлекается в процесс истории, намеренно «вторгается» в действия. Вместе с этим именно он сохраняет в себе «русский дух», который изначально был силен в Наташе Калымовой. Это позволяет повествователю создать «многоголосую» картину происходящего, предоставить читателю максимально полный обзор того, чему он сам был очевидцем. «Летописные» главы призваны показать дополнительную точку зрения со стороны персонажа, который на самом деле являлся свидетелем истории.

В третьем разделе второй главы **«Лирико-публицистическая форма повествования в главах об истории главной героини»** проводится анализ глав, в которых повествование сосредоточено на судьбе Наташи Калымовой.

В лирико-публицистических главах повествователь предпочитает выбирать такое положение, в котором пространственные позиции повествователя и героя не будут совпадать. Намного заметнее внутритекстовый автор проявляет себя в лирических отступлениях, практически ненаходим, что дает ему возможность создавать многоплановое, многослойное повествование. Его активная роль автора-демиурга наиболее сильно проявляется именно в обзорных главах, где он может использовать взгляд сверху для наблюдения за всем происходящим и

утверждать свою авторскую позицию через лирические отступления.

В первом разделе третьей главы **«Репрезентация жизни эмигрантской коммуны в обзорных главах»** рассматриваются повествовательные позиции, которые выбирает автор для создания объемного образа жизни героев, оказавшихся, по разным причинам, далеко от родины.

В главах, посвященных репрезентации жизни в эмиграции повествователь предпочитает выступать в качестве стороннего наблюдателя. Он выбирает для наблюдения наиболее высокую точку в пространстве, чтобы находиться на расстоянии от своих героев, поэтому их психологическая позиция выглядит максимально отдаленной. Всеведение, характерное для автора – творца, не покидает его, однако концепированный автор больше не стремится вступить в диалог с героями, предупреждая их о будущем, наоборот, старается отдалиться от подобных предположений, хотя в тексте романа очевидно прослеживается абсолютное знание повествователя о дальнейшей судьбе персонажей. Занимая доминантную позицию в тексте и свободно перемещаясь между разными повествовательными позициями, автор максимально «удален» от героев. Подобный подход к выбору повествовательных точек зрения позволяет утвердить авторскую позицию относительно судьбы многих участников революции, которые оказались в эмиграции после революции 1905 – 1907 годов.

Второй раздел третьей главы **«Ослабление роли «летописного» повествования»** освещает изменившуюся авторскую стратегию по отношению к созданию образа «беспристрастного свидетеля истории».

Автор отказывается от всеведения и проявляет его крайне выборочно, не через прямые обращения и предостережения, а через пересказ грядущих исторических событий для читателя. Повествователь избегает летописной манеры повествования, показывает очевидную невозможность вести какую-либо летопись происходящих событий. Вместе с этим автор вводит в текст романа и противопоставление героя и тех обстоятельств, в которых он оказывается, окончательно снижает значимость той роли, которую занимал герой отца Якова

Кампинского и который ранее неоднократно разделял повествовательную позицию автора.

Повествователь выбирает точку зрения «птичьего полета» для описания событий, крайне редко разделяет повествовательную позицию с героями, предпочитая оставаться в стороне от их психологических характеристик.

Подобные изменения связаны с тем, как автор переосмысляет произошедшие в сознании общества перемены и последствия масштабных исторических потрясений. Явное ощущение уходящей эпохи, уходящего мира подчёркивается и смертью главных героев. Не остается никого, кто мог бы рассказать историю о мире, который существовал до этого, кроме повествователя, обычно знающего все.

Заключение

Характерные для М.А. Осоргина повествовательные стратегии являются формой диалога с читателем, оказывают огромное влияние на эмоциональное восприятие текста и постижение авторской картины мира.

При повествовании о Первой мировой войне и революции 1917 года в романе «Сивцев Вражек», автор прибегает к последовательному обзору и всеохватывающей точке зрения, что позволяет ему описывать происходящие исторические события со стороны, активно в них не вовлекаясь; неоднократно в текст романа включаются массовые батальные сцены или детальные физиологические описания разрушений. С помощью выбора подобных позиций повествователь подтверждает доминирующий взгляд на случившееся с позиции всеведущего автора, обладающего абсолютным знанием о грядущем. Но подход к описанию меняется при переходе к созданию истории обычных людей, концепированный автор максимально вовлечен в происходящее с героями, неоднократно разделяет физические и психологические позиции персонажей, предпочитает вести повествование с положения, максимально сближенного с кругозором героя. Создание подобной повествовательной стратегии утверждает авторскую позицию, преобладающую в романе «Сивцев Вражек» – главенство

человеческого над историей, для М. А. Осоргина трагедия судьбы человека, оказавшегося не по собственной воле втянутого в исторические пертурбации, является главенствующей. Произошедшие в России изменения воспринимаются как общемировая трагедия. Именно поэтому внутритекстовый автор оказывается максимально «вовлечен» в повествование, проявляет себя на всех уровнях текста. Для акцентуации этой позиции в роман вводятся лирико – публицистические и «летописные» главы, призванные выразить отношение автора к происходившим событиям и подчеркнуть реальность и правдивость случившегося.

Иначе реализуется авторская стратегия при создании романной диалогии «Свидетель истории» - «Книга о концах» при использовании характерных для автора приемов. Повествование охватывает период времени с конца XIX века (первая глава романа «Свидетель истории») до Первой мировой войны (завершающие главы романа «Книга о концах»).

Повествователь прибегает к последовательному обзору при создании образа революционных событий 1905 – 1907 годов, хотя ранее выбирал позицию «всеохватывающего» обзора в описании боевых действий. Выбор данной точки зрения и отказ от точки зрения «птичьего полета» позволяет автору оставаться рядом с героем, чью психологическую позицию он разделяет. Таким образом в центре повествования оказывается не история, а персональный взгляд человека на нее, личные переживания и мотивация совершенных действий. Фокус внимания внутритекстового автора смещается с трагедии, случившейся с миром, на беду конкретного человека, являвшегося активным участником событий. Поэтому повествователь избегает и описания масштабных сцен, и перестает активно проявлять собственное всезнание – он выбирает более пассивную позицию в качестве автора – демиурга и эмоционально не вовлекается в происходящее.

Активное вовлечение в повествование в «Сивцева Вражка» контрастирует с изменившей авторской стратегией при создании романной диалогии «Свидетель истории» - «Книга о концах». Прибегая к похожим приемам для создания

повествования, автор совершенно иначе воспроизводит их в тексте, ранее знакомые обзорные точки меняются для утверждения новых авторских позиций вслед за изменившимся мировоззрением автора.